„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“!

ЦѢНА 15 сант.

Въ лагеряхъ раздается безплатно.

НА ЧУЖБИНѢ

(NA TCHOUJBINÉ)

ВЫПУСКЪ ДЕВЯТЫЙ

GENÈVE

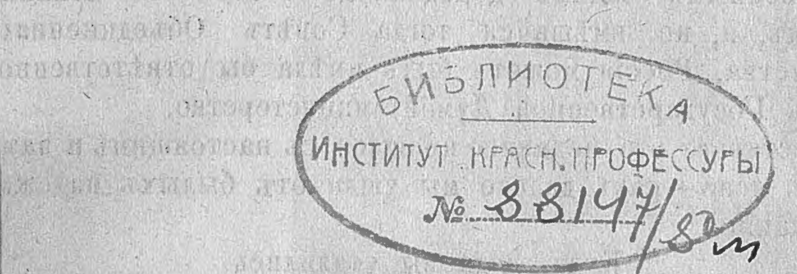
…MERIE E. CHAULMONTET

Rue des Rois, 12

1916

...ячил

Адресъ

НА СТАРУЮ ДОРОГУ.

I.

Русская политическая жизнь сдѣлала свой кругъ.

Когда началась эта нелѣпая, дикая война, на всѣхъ перекресткахъ раздались обманчивые крики: „Эта война принесетъ право и свободу всѣмъ угнетеннымъ народамъ!.. Между государствами отнынѣ уставится совѣтъ — да любовь, а внутри каждаго изъ нихъ водворится правда и справедливость... Въ особенности же—говорили мудрые пророки—счастливыя перемѣны ждутъ Россію. По отношенію къ другимъ народамъ она сдѣлается добрымъ ангеломъ хранителемъ, а у себя, дома, введетъ новые, хорошіе порядки. Полицейскіе больше не будутъ врываться въ дома обывателей, а жандармы будутъ утирать слезы обиженнымъ, — какъ говаривалъ когда-то Николай Первый“.

Одни говорили все это съ искренней вѣрою, другіе—дѣлали видъ что вѣрятъ, третьи, наконецъ—какъ напр. Ни-[illegible] II—благосклонно выслушивали, а при случаѣ подо-[illegible]ѣвали...

Подъ вліяніемъ общаго шума и мужицкія сердца было размякли и въ деревняхъ говорили: „будетъ теперь преображеніе, безпремѣнно будетъ“!..

Не чужда была этимъ ожиданіямъ и армія наша.

Временемъ разцвѣта розовыхъ надеждъ было прошлое лѣто, когда правительство, испугавшись военныхъ неудачъ, не на шутку растерялось. Даже союзники наши увѣровали было въ освобожденіе Россіи и англійскій министръ Ллойдъ-Жоржъ заговорилъ тогда о „разбиваемыхъ цѣпяхъ“, свя-

Въ правительственныхъ рядахъ „благожелательность" къ общественнымъ силамъ доходила до готовности всякихъ уступокъ, и, не вмѣшайся тогда Совѣтъ Объединеннаго Дворянства, Россія можетъ быть имѣла бы отвѣтственное (передъ Государственной Думой) министерство.

Сопоставьте это недавнее прошлое съ настоящимъ и вамъ станетъ ясно—какъ далеко мы ушли отъ былыхъ надеждъ и ожиданій.

Куда, куда вы удалились
Златые дни моей весны!..

Могутъ говорить теперь добрые россіяне.

Впрочемъ, они этого не говорятъ. Если судить по нашимъ газетамъ, добрые россіяне теперь не говорятъ о политикѣ своего правительства. Или говорятъ такъ невнятно, будто у нихъ каша во рту. Къ сожалѣнію, не каша мѣшаетъ имъ говорить, — каша перепадаетъ теперь рѣдкимъ счастливцамъ,—а намордникъ цензуры, надѣтый на нихъ для „блага родины". Была у насъ одна говорливая, лѣвая газета—„День"—и ту недавно отдали на съѣденіе военной цензурѣ... Теперь у россіянъ „языкъ прильпе къ гортани". Не только замолкли рѣчи объ „обновленіи", объ „отвѣтственномъ министерствѣ", но и самыя дикія дѣла правительства не встрѣчаютъ больше отпора.

Вотъ, напримѣръ, нѣкоторыя изъ дѣлъ Николая II за послѣднее время. Онъ распустилъ Государственную Думу, далъ почти диктаторскую власть врагу народной самодѣятельности Штюрмеру; одного изъ основателей Объединеннаго Дворянства, графа А. Бобринскаго назн[...] тов. министра внутреннихъ дѣлъ *); явнаго черносотенца и охранника Макарова **) назначилъ министромъ юстиціи.

---

*) Статья наша была уже набрана, какъ получилось извѣстіе о назначеніи Бобринскаго мин. земледѣлія вмѣсто Наумова.

**) Въ 1906 г. онъ былъ тов. мин. внутрен. дѣлъ и завѣдывалъ полиціей. При немъ охранка довела свои безобразія до крайнихъ предѣловъ, особенно разцвѣло прово-

Этотъ господинъ прославился въ 1912 г. тѣмъ, что передъ Госуд. Думой оправдывалъ разстрѣлъ рабочихъ на ленскихъ прiискахъ; причемъ, защищая убiйцу рабочихъ жандармскаго ротмистра Трещенкова, онъ лгалъ на рабочихъ, что потомъ было раскрыто ревизiей сенатора Манухина. И такой господинъ поставленъ теперь во главѣ русскаго правосудiя!.. Русское же общество помалкиваетъ.

Никто не выражаетъ ни тревоги, ни безпокойства.

„Самая лѣвая“ изъ большихъ газетъ—„День“ — по поводу назначенiя Макарова нашлась только сказать: „это назначенiе не вызываетъ у насъ ни ожиданiй, ни надеждъ“. Другiя газеты и того не сказали.

Не отозвались никакъ и рабочiе, которые, конечно, не забыли угрозъ глупаго министра: — „такъ было, такъ будетъ“, *) т. е. стрѣляли въ народъ раньше, будемъ стрѣлять и потомъ...

А черная сотня **) открыто празднуетъ свою побѣду.

Она чествуетъ этихъ министровъ обѣдами, шлетъ имъ свои привѣтствiя. Вѣдь это—все ея ставленники, ея дѣтки, отъ которыхъ она ждетъ для себя новыхъ услугъ.

Николай II пересталъ уже стѣсняться въ выборѣ своихъ помощниковъ и открыто подбираетъ людей черносотенной масти.

Говорили все: „не надо теперь партiй, оставимъ партiйную борьбу“, - а получили правительство партiйное, да еще узко партiйное, черносотенное.

II.

Какъ же на все это отзывается Государственная Дума? Да никакъ. Ей кто ни попъ — тотъ батька. Съ Штюрмеромъ предсѣдатель Думы ведетъ прiятельскiе разговоры;

---

*) Эту угрозу Макаровъ высказалъ съ трибуны Госуд. Думы въ декабрѣ 1912 г., когда отвѣчалъ на запросъ о разстрѣлѣ рабочихъ на ленскихъ прiискахъ.

**) Гнѣздо ея коренится въ Царскомъ дворцѣ, въ Объединенномъ Дворянствѣ и въ правомъ крылѣ Государ. Совѣта.

съ дворянскимъ ставленникомъ графомъ Бобринскимъ Дума обсуждаетъ законъ о „крестьянскомъ равноправіи“...

А когда царь призвалъ творить правосудіе Макарова,— Думы уже не было: ее послали на лѣтній отдыхъ, какъ школьниковъ на каникулы.

За минувшую сессію Дума вообще была скромна. Она какъ то притихла, точно пришибленная. Конечно, въ Таврическомъ дворцѣ по прежнему произносились длинныя— иногда, какъ говорятъ, правые, — даже митинговыя рѣчи, но эти рѣчи какъ-то замирали въ стѣнахъ одряхлѣвшаго дворца безъ отклика въ странѣ..

А давно ли четвертую Думу преподносили намъ въ качествѣ спасительницы отечества? Не она ли собиралась осчастливить насъ амнистіей, равноправіемъ и всякими реформами?.. Знаете пѣсенку про синицу, которая хвалилась море зажечь? Такъ вотъ и Четвертая Дума. Чего-чего только не наобѣщала, какихъ страстей правительству не наговорила, а захотѣло правительство—и Дума какъ дымъ, исчезла.

Мы хорошо знаемъ цѣну нынѣшней Думы *) и не намъ сожалѣть и краснѣть за нее. Но мы не можемъ относиться спокойно къ той лжи, которою окутана вся ея дѣятельность и которою хотятъ одурманивать народъ. Мы не можемъ мириться съ тѣмъ, какъ депутаты нынѣшняго состава корчатъ изъ себя заправскихъ народныхъ представителей и пускаютъ пыль въ глаза не только своей странѣ, но и всей Европѣ. Припомните что говорилось депутатами, когда большинство ихъ объединилось въ „прогрессивный блокъ“. Какъ пышно разцвѣло тогда ихъ краснорѣчіе, какъ горделиво они выступали съ своей программой „обновленія Россіи“; но подулъ небольшой вѣтеръ съ противной, азіатской стороны и снесъ карточный домикъ.

Недавно представители Думы въ компаніи съ Гурко **)

---

*) См. ст. „Четв. Гос. Дума“ въ 5 вып. „На Чужбинѣ“.

**) Съ тѣмъ самымъ Гурко, который въ бытность свою въ 1906 г. тов. министра помогъ нажиться своему пріятелю Лидвалю на казенномъ овсѣ. Противъ Гурко было возбуждено даже судебное слѣдствіе; но царь простилъ его

разъѣзжали по Европѣ, чтобы укрѣпить у союзниковъ довѣріе къ Россіи. Хотя ведутъ теперь союзники съ царскимъ правительствомъ большую дружбу, а все-таки вѣры у нихъ къ нему настоящей нѣтъ. Какъ положишься на самодура? —думаютъ они. Вотъ и приходится время отъ времени посылать на прогулку по Европѣ нашихъ „членовъ законодательныхъ палатъ".

— „Смотрите, молъ, у насъ тоже, какъ у васъ, есть „парламентъ", есть „народные представители"... И приходится ставленникамъ дворянъ, духовенства и купцовъ разыгрывать роль представителей всего русскаго народа. Точь въ точь какъ актеры въ театрѣ представляютъ королей и императоровъ. Въ эту поѣздку наши парламентеры старались убѣдить союзниковъ въ „прочности нашей конституціи" и „важныхъ реформахъ, ожидающихъ Россію". Особенно щедръ былъ на всякія „розсказни" г. Милюковъ руководитель „партіи народной свободы". Съ развязностью Хлестакова онъ „плелъ" о могуществѣ „Прогеессивнаго блока", о либеральныхъ законахъ, которые блокъ проведетъ въ близкомъ будущемъ. Онъ — какъ говорятъ—увѣрялъ даже къ сочувствіи къ нимъ Николая II, который вотъ только амнистію не согласенъ давать. „Объ амнистіи царь и слышать не хочетъ"—говорилъ нашъ тонкій политикъ.

Русскій либералъ заговорилъ языкомъ французскаго соціалиста-барабанщика Густава Эрвэ. Восхваляя русскаго царя за посѣщеніе Таврическаго дворца при началѣ зимней сессіи, Эрве увѣрялъ насъ, что у Николая II „духъ либеральный", т. е. свободолюбивый.

Такъ и Милюковъ. Чтобы увѣрить свѣтъ, какъ хорошо ведется русская политика благодаря „прогрессивному блоку", онъ готовъ и Николая II записать въ число „прогрессистовъ"., Но не успѣли депутаты умолкнуть о „большой работѣ, которую Дума выполнитъ еще въ эту сессію"— Думы уже не оказалось. Правительство Штюрмера прониклось такою заботливостью къ „народному представительству", что поторопилось отпустить съ 20 іюня по 1 ноября на отдыхъ. Напрасно депутаты увѣряли правительство,

—«Посмотрите сами—говорилъ предсѣдатель Думы Родзянко Штюрмеру—какъ охотно депутаты засѣдаютъ».

— Это очень похвально... Но вы можете переутомиться и все равно скоро разъѣдетесь: поѣзжайте-ка лучше теперь...

И царь пишетъ указъ о роспускѣ Думы.

Удивительнѣе всего то, что ни депутаты, ни Родзянко нисколько не обидѣлись на такое обхожденіе.

Въ прошломъ году, когда Дума также неожиданно была распущена, нѣкоторые изъ депутатовъ отъ огорченія хоть въ обморокъ падали, въ истерикѣ валялись, а нынѣ—раскланялись съ начальствомъ и поѣхали. Даже какъ будто обрадовались...

Не замѣтно никакого огорченія и въ обществѣ. За время войны такое отношеніе къ роспуску Думы наблюдается впервые. Должно быть россіяне отрѣзвели отъ былыхъ увлеченій Четвертой Госуд. Думой; должно быть разсмотрѣли, что подъ ея крикливой наружностью не скрывается ни силы, ни подлинной искренности. Знаете, какъ Некрасовъ говоритъ объ „Убогой и Нарядной“:

Безпокойная ласковость взгляда,
И поддѣльная краска ланитъ
И убогая роскошь наряда —
Все не въ пользу ея говоритъ...

Да, четвертая Государственная Дума именно—убогая и нарядная. Она нарядна всякою словесностью, но убога дѣлами; нарядна всякими обѣщаніями народу и убога выполненіемъ этихъ обѣщаній... Народъ давно уже это замѣтилъ; и, когда прошлымъ лѣтомъ съ думской трибуны раздались негодующія рѣчи о правительственныхъ злоупотребленіяхъ, о неспособности правящихъ лицъ, то въ народѣ говорили: „гдѣ же Дума была раньше? Чего она молчала“?!.. Со времени измѣненія избирателнаго закона указомъ 3-го іюня 1907 г. народъ махнулъ рукой на Государственную Думу, назвавъ ее правильно господской. Теперь, повидимому, отрезвленіе начинается и въ обществѣ. Изъ свиньячаго хвоста воротника не сдѣлаешь—говоритъ поговорка. Не сдѣлаешь освободительнаго народнаго учреж-

ственная мысль съ тревогой останавливается надъ вопросомъ: — „куда же идти? Какую избрать дорогу, чтобы придти, наконецъ, къ той завѣтной цѣли, которую лучшіе русскіе люди лелѣютъ со временъ декабристовъ“ *) или даже со времени Радищева?

И вотъ, въ то время какъ общество и народъ „думаетъ и гадаетъ“, царское правительство дѣйствуетъ. Правительственная власть вышла уже на старую, торную дорогу... Она оставила свои заигрыванія съ общественными силами и судьбою великой страны хочетъ играть на свой рискъ и страхъ. „Процессъ отмежеванія отъ общественности подходитъ къ своему окончательному завершенію“—мягко говорятъ по этому поводу „Русскія Вѣдомости“.**) Комедія окончена. Штюрмеръ облеченъ почти диктаторскою властью и будетъ теперь „руководить дѣйствіями начальниковъ вѣдомствъ по всѣмъ предметамъ какъ законодательства, такъ и высшаго управленія“. Отнынѣ все должно исходить отъ него и дѣлаться по его указкѣ. Онъ будетъ командовать Думой и министрами, а имъ будетъ играть по своему усмотрѣнью царь съ своей камарильей.

Просто все стало и ясно.

Таковъ конецъ розовымъ ожиданіямъ о „свободѣ“ и „обновленіи“. Теперь и завзятые „штукатурщики“ россійскихъ порядковъ уныло говорятъ: „мы вступаемъ въ нашемъ политическомъ пути на крутой уклонъ“. „Куда приведетъ уклонъ—гадаютъ они—намъ покажетъ будущее“ ***). Для нихъ все еще не ясно, что „уклонъ“ уже привелъ насъ къ укрѣпленію царскаго самодержавія и чиновничьяго своеволія.

III.

Мы вернулись къ тому старому, чему въ 1905 г. пѣли отходную. Пользуясь всей страшной силой, собранной въ ея рукахъ во имя войны, самодержавная власть воспрянула

---

*) „Декабристами въ исторіи называютъ тѣхъ офицеровъ и солдатъ, которые при воцареніи Николая 1-го, 14-го дек. 1825-года, подняли возстаніе, чтобы добиться политической свободы и освобожденія крестьянъ.

**) „Русскія Вѣдомости“, 19 [illegible] 1916

духомъ и безъ оглядки пошла къ своей тоже «завѣтной цѣли»—къ порабощенію народа.

Ея смѣлость (вѣрнѣе наглость) начинаетъ пугать робкихъ либераловъ, и, они въ растерянности лепечутъ свое поученіе: „ключъ къ мощи и процвѣтанію государства лежитъ не въ бюрократической опекѣ, а въ свободномъ развитіи народныхъ силъ *).

Кто нынѣ не знаетъ этой азбуки? Вопроеъ въ томъ, какъ избавиться отъ этой удушающей опеки, какими путями могутъ освободиться отъ нея живыя народныя силы? Либералы наши знаютъ къ тому лишь одинъ путь—путь думскихъ разговоровъ. Правда, не такихъ разговоровъ, какіе ведутся въ нынѣшней Думѣ; вѣнцомъ ихъ желаній является Первая Гос. Дума. „Послѣ долгихъ опасныхъ блужданій надо вернуться—говорятъ они—на прямую, вѣрную дорогу—на дорогу, указанную первыми русскими народными представителями".

Мы же думаемъ, что десятилѣтнія „блужданія" указываютъ намъ дорогу другую — болѣе вѣрную. Она была оставлена народомъ немного раньше созыва „первыхъ народныхъ представителей". Народъ, обезсиленный собственными дѣтьми—солдатами и казаками,—удовлетворился тогда безправной Госуд. Думою, выброшенной ему старою властью въ видѣ жалкой подачки. Мы получили видимость парламента и думали, что этого довольно для исцѣленія всѣхъ нашихъ золъ, для обновленія нашего обвѣтшалаго строя. „Первые русскіе народные представители" оказались въ тенетахъ очень ловко сплетенныхъ искусной рукой бюрократіи. Они безпомощно барахтались въ нихъ 72 дня, пока царско-бюрократическая власть не оправилась совсѣмъ и не разогнала ихъ. По своей политической неопытности мы хотѣли идти парламентскимъ путемъ, не добывъ парламента, т. е. безъ свободнаго, полновластнаго народнаго представительства. Мы пріобрѣли подойникъ, не позаботившись о коровѣ. И потому остались безъ молока; подойникъ же изсохъ и сталъ никуда негоднымъ...

Такую ошибку продѣлать второй разъ было бы не простительно.

„Первые русскіе народные представители“ высказали многія изъ народныхъ желаній, но путь ихъ дѣйствія оказался безплоднымъ. Нужно вернуться на прежнюю дорогу, по которой шелъ народъ въ 1905 году, и съ которой вынужденъ былъ свернуть, истекая кровью отъ солдатскихъ пуль и казацкихъ нагаекъ. Надо выходить на старую дорогу революціи, на дорогу рѣшительной борьбы съ самодержавной царскою властью. Только сломивъ ее, народъ сможетъ созвать полновластное народное представительство —на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайного голосованія. Не о созывѣ Думы, хотя бы и новой—какъ о томъ говорятъ нѣкоторые въ арміи — а о „борьбѣ за народное право и святую свободу“—какъ доносится до насъ изъ Россіи и изъ лагерей военноплѣнныхъ. Революція и Учредительное Собраніе — вотъ что стоитъ у насъ на очереди дня.

Иванъ ДЕРЕВЕНСКІЙ.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

Что это, кажется стонъ раздается
Смѣшанный съ лязгомъ цѣпей?
— „Да, то Россія съ врагами дерется —
Скованный нашъ Прометей!“
— Развѣ?... И цѣпи не сняли?..
Такъ и дерется въ цѣпяхъ?
— „Нельзя, говорятъ, одичали
Люди въ сибирскихъ тайгахъ“.
— Зачѣмъ же Россія дерется?
Чего же желаетъ она?
— „Да видишь ли, тѣсно крестьянамъ живется
Земля то дворянамъ нужна!
— Тогда мужикамъ бы не съ нѣмцами драться,
У нѣмцевъ самихъ нѣтъ земли!

И что же? У нѣмцевъ поля отнимаетъ
Дворянство для русскихъ людей?
О нѣтъ!.. То тюрьму лишь свою защищаетъ
„Скованный нашъ Прометей“.
— А гдѣ же дворяне? Они вѣдь старались
Достать для народа земли?..
„Дворяне? Дворяне въ сторонкѣ остались
Они свою землю спасли“!..
— Земли то крестьянамъ не дали,
Опять имъ придется страдать?
— „О, нѣтъ!.. Теперь ужъ крестьяне поняли
„Откуда землицы достать!..
— Вотъ, кончится бойня, и нашъ Прометей
Всѣ цѣпи на звенья порветъ
„Не будетъ тогда ни дворянъ, ни царей,
А лишь будетъ свободный народъ!

Военноплѣнный С—й.

ОТМѢНА ЗАКОНОВЪ О ЖЕНСКОМЪ И ДѢТСКОМЪ ТРУДѢ.

I.

Какъ то незамѣтно, безъ шума прошла отмѣна законовъ объ охранѣ труда женщинъ и дѣтей на фабрикахъ и заводахъ. Никто не поднялъ голоса, никто не высказалъ ни возмущенія, ни порицанія. Отмѣнили законъ, въ порядкѣ 87 статьи, по простому произволу совѣта министровъ. Въ царствѣ произвола еще одинъ фактъ мало обращаетъ на себя вниманіе, особенно если это касается рабочаго класса. Не первый, молъ, и не послѣдній. Тѣмъ не менѣе рабочему классу снова нанесенъ чувствительный ударъ.

Вопросъ о женскомъ и особенно дѣтскомъ трудѣ, объ ихъ защитѣ отъ эксплуатаціи капиталистовъ всегда былъ однимъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ въ жизни рабоча-

нетребовательностью и покорностью. Все растущая дороговизна, обгоняющая повышеніе заработной платы, заставляетъ женъ и дѣтей рабочихъ идти на фабрику и заводъ, чтобы имѣть возможность внести лишнюю толику въ хозяйствѣ и помочь семьѣ свести концы съ концами. И женщины довольствуются ничтожной заработной платой, готовы наняться на какую угодно работу.

Въ общемъ можно считать, что женщины-работницы довольствуются половинной платы рабочаго мужчины. Въ Московской губ. *), напр., во всѣхъ производствахъ мѣсячные заработки мужчины колеблютья отъ 13 руб. 46 к. (въ обработкѣ волокн. веществъ) до 31 руб. 12 к. (обработка металловъ). Заработокъ же работницъ колеблется отъ 8 руб. 14 коп (обработка льна, пеньки, джута) до 19 р. 46 коп. (химич. производства). Большая часть работницъ промышленной Россіи, получаетъ въ среднемъ нищенскую плату—въ 6—10 руб. какъ мѣсячный заработокъ **). И это несмотря на то, что имъ приходится работать въ такихъ же условіяхъ труда какъ работникамъ мужчинамъ, иногда даже въ худшихъ.

Кромѣ большей дешевизны, женщина-работница отличается еще и большей податливостью, терпѣніемъ, меньшей сознательностью, что даетъ возможность хозяевамъ устанавливать какіе угодно порядки въ предпріятіи, не боясь протестовъ.

Меньшая сознательность женщинъ держитъ ихъ подальше отъ профессіональныхъ и другихъ рабочихъ организацій, вноситъ разъединеніе въ массу рабочихъ и тѣмъ невольно поддерживаетъ капиталистовъ въ ихъ борьбѣ съ рабочимъ классомъ.

Еще легче эксплуатировать капиталистамъ дѣтскій трудъ. Дѣтскія руки можно получать за безцѣнокъ и выгода бьетъ въ глаза.

Все это хорошо учли капиталисты. Гдѣ только можно, они стараются замѣнить безпокойныхъ рабочихъ женщинами и дѣтьми. На помощь къ нимъ приходитъ еще то об-

*) Козьминъ—Ланинъ „Заработки фабрично-заводскихъ

стоятельство, что все большее и большее количество производствъ переходитъ къ машинному труду. А при машинѣ съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ стоять женщина или подростокъ. Есть отрасли труда, гдѣ число женщинъ-работницъ неуклонно растетъ на счетъ числа мужчинъ. Есть отрасли труда, ставшія по преимуществу женскими. Таковыми отраслями являются обработка бумаги, волокнистыхъ веществъ, спичечныя и табачныя фабрики, свекло-сахарные заводы, типографіи и т. д. Въ 1906 г. *) на каждую тысячу мужчинъ работниковъ приходилось въ производствѣ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ—708 женщинъ, въ химическомъ производствѣ—338; по приготовл. одежды —270, въ типографіяхъ—121, въ табачномъ производствѣ —1636 и т. д. Съ тѣхъ поръ цифры эти на много возросли.

Дѣтскій трудъ и трудъ подростковъ широко практикуется на спичечныхъ, табачныхъ фабрикахъ и въ стекольномъ производствѣ. Въ среднемъ на 100 рабочихъ приходится 11 подростковъ, не достигшихъ 17-ти лѣтняго возраста.

Положеніе женщинъ-работницъ и дѣтей въ мастерскихъ всегда было очень тяжелое. Ничтожная заработная плата, длинный рабочій день, полный произволъ хозяина, постоянныя обиды и оскорбленія, а къ женщинамъ кромѣ того —приставанія мастеровъ и надсмотрщиковъ...

Сознавшіе свои интересы рабочіе съ давнихъ поръ ведутъ упорную борьбу противъ такой эксплуатаціи ихъ женъ, сестеръ и дѣтей. Съ одной стороны, они стараются сдѣлать женщину-работницу болѣе развитой, сознательной, стараются привлечь ее въ ряды борющихся, съ другой—насѣдаютъ на правительство и капиталистовъ, добиваясь улучшеній. И подъ этимъ напоромъ рабочихъ массъ законодательная власть шла на уступки, правда, очень и очень скромные.

Всѣ наши законы по охранѣ женскаго и дѣтскаго труда можно по пальцамъ перечесть. Они устанавливаютъ для найма предѣльный возрастъ въ 12 лѣтъ для дѣтей, устанавливаютъ раздѣленіе на малолѣтнихъ до 15 лѣтъ и подростковъ до 17 лѣтъ. Для первыхъ они допускаютъ самый

большій рабочій день въ 8 часовъ—при одной смѣнѣ, и въ 9 часовъ—при двухъ смѣнахъ. Они устанавливаютъ обязательный отдыхъ послѣ 4-хъ часовой или $4^1/^2$ часовой работы подрядъ. Они запрещаютъ дѣтскій трудъ въ нѣкоторыхъ особенно вредныхъ для здоровья отрасляхъ, запрещаютъ ночную работу для малолѣтнихъ, за исключеніемъ стекольной промышленности.

Для женщинъ установленъ 11 1/2 часовой рабочій день, какъ и для мужчинъ; ночная работа, запрещенная въ 1885 году, вновь разрѣшена въ 1890 г. (съ тѣмъ ограниченіемъ, что каждый разъ требуется особое административное разрѣшеніе). Исключеніе составляетъ текстильная промышленность и, наконецъ, ограниченъ женскій трудъ на шахтахъ и рудникахъ.

Какъ видно, наше законодательство не слишкомъ-то заботится о дѣйствительной охранѣ женскаго труда. Ему далеко до того законодательства, въ которомъ дѣйствительно нуждается рабочій классъ и которое требуется, напримѣръ, программой Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ *).

Наше законодательство отстало и отъ законодательствъ другихъ европейскихъ странъ.

II.

Съ войной тяга къ женскому и дѣтскому труду возросла еще болѣе. Милліоны работниковъ мужчинъ ушли въ траншеи, а война предъявляетъ къ производству все большія и большія требованія. И теперь женскій трудъ употребляется даже тамъ. гдѣ раньше онъ почти не примѣнялся. Особенно много женщинъ работаетъ на заводахъ по изготовленію боевыхъ припасовъ и предметовъ снаряженія. За

---

*) Для охраны женскаго и дѣтскаго труда Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ требуетъ и борется за слѣдующее: Установленіе платы ниже которой по закону нельзя было бы платить (минимумъ заработной платы); запрещеніе сверхъурочныхъ работъ и работы малолѣтнихъ до 16 лѣтъ, ограниченіе работы несовершенолѣтнихъ, запрещеніе женскаго и дѣтскаго труда въ производствахъ особенно

время войны въ Германіи, напр., число женщинъ-работницъ возросло на 1 милліонъ, во Франціи на полъ милліона, изъ которыхъ 25,000 на желѣзныхъ дорогахъ и больше 50 проц. по обработкѣ металловъ. Въ нѣкоторыхъ производствахъ число женщинъ доходитъ до 90 проц. Въ Россіи —35 проц. желѣзнодорожныхъ служащихъ составляютъ теперь женщины; въ обработкѣ металловъ процентъ ихъ доходитъ до 50. Условія же труда и теперь не только не улучшились, а наоборотъ, даже ухудшились. Вотъ какія свѣдѣнія объ этомъ, появились въ печати за послѣднее время *).

Въ Вяткѣ, напр., „на кожевенныхъ заводахъ большинство женщинъ работаетъ за самую низкую заработную плату... При обыскахъ работницы подвергаются оскорбленіямъ неподобными словами и даже побоямъ". На Ижерскомъ заводѣ—„широко примѣняется женскій трудъ. При этомъ рабочій день женщинъ очень продолжителенъ — въ 12 и болѣе часовъ". Въ нѣкоторыхъ мастерскихъ работаютъ до 15 час., ночная смѣна длится 13 часовъ. Въ Лугайскѣ, на заводѣ Гартмана, „положеніе женщинъ ужасное. Онѣ эксплуатируются больше мужчинъ и приходится имъ переносить очень много горя и униженій" и т. д.

Что же сдѣлало правительство, чтобы оградить женъ и дѣтей тѣхъ, кто умираютъ на поляхъ сраженій, томятся въ плѣну, на чужбинѣ? Оно отмѣнило и тѣ плохенькіе законы, которые хоть немного защищали ихъ отъ алчности капиталистовъ и заводчиковъ.

Правительство закрыло всѣ профессіональные союзы, всѣ рабочія газеты и журналы, удлинило рабочій день, увеличило сверхъурочныя работы, ввело каторжныя постановленія за стачки—всего этого оказалось мало. Царское правительство не постѣснилось отдать женъ, сестеръ, дочерей и сыновей рабочихъ на полное, безконтрольное пожираніе капиталистамъ...

---

*) Свѣдѣнія эти взяты изъ рабочей газеты „Нашъ Го-

Таковы заботы правительства о трудовомъ народѣ. Оно воспользовалось войной, чтобы снова наложить ярмо на рабочій классъ въ угоду богатымъ.

И результаты уже сказываются. Вотъ напр., что пишутъ изъ Донецкаго бассейна:

„Съ отмѣной запрещенія женскаго труда на рудникахъ, администрація рудниковъ стала широко пользоваться трудомъ женщинъ и ставитъ ихъ на такія работы, которыя не всякому мужчинѣ подъ силу.

Трудъ женщинъ и дѣвушекъ оплачивается отъ 30 до 60 коп. за 12 часовой рабочій день. Недавно еще инженеръ Назаровъ принялъ на работу бѣженку и положилъ ей 30 коп. въ день, а у этой работницы старуха мать и ребенокъ.

Недавно произошелъ здѣсь такой случай съ одной дѣвушкой-работницей: На ту работу, которую ей задали, раньше ставили 2-хъ, а нужно было бы и трехъ, но изъ-за экономіи ее поставили одну—поднимать 10-ти пудовую крышку для пропуска вагонщиковъ въ надшахтное зданіе. Она не осилила во время поднять эту крышку, ее придавило къ вагонамъ и она тутъ же умерла“ *).

Такъ пользуются капиталисты подаркомъ, преподнесеннымъ имъ царскимъ правительствомъ подъ крики о патріотизмѣ, о жертвахъ на пользу дорогого отечества.

Послужитъ ли это новое доказательство дружбы правительства и капиталистовъ урокомъ рабочему классу?

Пойметъ ли онъ, что этому союзу властвующихъ пора противопоставить союзъ обездоленныхъ и безправныхъ?..

Только соединившись въ дружный, братскій союзъ, трудовой народъ города и деревни сможетъ одолѣть общихъ враговъ—произволъ царской власти и жадность капиталистовъ.

Максимъ СОНИНЪ.

ЖИЗНЬ НА ХУТОРАХЪ ВО ВРЕМЯ ВѲЙНЫ.

Приводимъ нѣсколько разсказовъ хуторянъ о ихъ житьѣ-бытьѣ въ время войны. Какъ они изложены въ статьѣ г. Тирлянскаго*).

— Вотъ теперича взглянули бы на нашу жисть,—говорилъ хуторянинъ Степанъ Ж-въ. — Большая отличка... У меня двое тамъ, на войнѣ. Оба женаты. Ребятъ своихъ да сыновьихъ девять душъ. Самъ двѣнадцатый за столъ сажусь. Покумекаешь, какъ выбиться изъ эдакой обузы. Мнѣ, вѣдь, пятьдесятъ пятый,—за плужкомъ много ходить не подъ силу. Осенью нынче копался, копался на полѣ и наковырялъ пять „тридцатокъ", а по малости надо бы десятокъ заготовить. Пять отдыхать пустилъ. Думаю: придутъ къ веснѣ сыны-то, вспашутъ подъ ярь. А не придутъ? Безъ хлѣбца останусь, Ей богу, останусь... Тяжело, охъ, какъ тяжело. Оно, знамо, воевать кому нибудь да надоть. Защищать землю свою. Я на эфто не ропчу. А изъ пѣсни слова не выбросишь—тяжело живется...

Съ войной только маненько у насъ съ общинниками ладъ пошелъ: звѣрьемъ ровно другъ на дружку теперьча не глядимъ. Свидимся, сойдемся гдѣ, побаемъ, попрежнему полюбезному. Баемъ, знамо, о войнѣ—и у хуторянъ, и у общинниковъ сыны-то туда, въ войско ушли... Война то насъ сдружила. Веселѣе глядимъ...

Хуторянамъ сейчасъ скушнѣе. До войны одиноко, а теперьча и сказывать нечего—тоска. Общинники-сельчане въ групѣ, а на мiру и горе съ полгоря и бѣда въ полбѣдѣ. А на хуторѣ одинъ-одинешенекъ. Возлѣ семьи колотишься, все перекумекаешь, все перебаешь, а пользительности для сердца ни шиша. На мiру веселѣй. Тамъ и про войну знаютъ больше. А мы на хуторочкахъ ничевосеньки, въ зубъ толкнуть не чувствуемъ. Война, а гдѣ она, что она, какъ она—знать не знаемъ. И сыны-то грамотку не присылаютъ. Живы ли?.. А есть, чать, чего отписать, да не отписываютъ... И мы-то не писали—некому писать-то. А тожъ отписать есть чего... Уборка-то дождливая была, хлѣбецъ по-

гнилъ. Много его испортилось, изопрѣло. Зиму думаешь, какъ до новаго хлѣбца докарабкаешься... Да, жисть теперьча у насъ другая, отличка большая...

— Со старухой остался,—жаловался другой хуторянинъ Григорій Ан-въ. — Сноха, какъ мужа забрали, въ городъ ушла. Прислужничать.—„При немъ,—сказала,—на хуторѣ съ тоски помирала, а безъ него—въ гробъ лягу". Вольная стала... И ушла... Сидимъ двое со старухой на хуторѣ. Что дѣлать? И не знаю. Молотить надо, есть копна ржи, а одинъ много ли намолочу. Старуха охаетъ, не сможетъ, хвораетъ она. Вотъ одинъ и разработайся. Хватишь одно, другое не сдѣлано. Клѣти, избешку нужно починить, а какой я чинельщикъ—задыхаюсь. Лѣску бы надо купить, а деньжонокъ нѣтъ, хлѣбущко не молоченъ, измолотить надо, на базаръ свезти, а все одинъ. Хоть разрывайся: одна нога туда, одна рука сюда. Глядишь—никуда. Вспоминаю прежнюю жизню въ селѣ. Тамъ все лучше, сподручнѣе. Шабры, друзья бы старику помогли, а на хуторѣ — кто поможетъ: нѣтъ никого... Сынъ-то былъ—шло дѣло, хоть и не споро, а концы съ концами сводились... Теперь развинчивается все, все... Какъ самъ за компанію со старухой слягу—ну, пропащее дѣло. Квитъ, шабашъ, карачунъ!.. Вернется сынокъ-отъ къ пустому мѣсту: ни родителевъ, ни жены, ничего нѣтъ. Вотъ оно—хуторокъ-отъ!.. Сподручно для работы — земля близко, да для житья не сподручно. Аховое житье-то. Какъ бѣда иль чего еще случится, ну и начинаешь скулить, какъ собака безъ хозяина. Въ селѣ къ одному побѣжишь, къ другому. Такъ и такъ, молъ, бѣда стряслась. Глядь,—подмогу дадутъ... А на хуторѣ—на волю Божью... Четвертый годъ на хуторѣ доживаю, а душа не лежитъ. Свое не свое, чужое не чужое, а не знаю какое! Отъ села отклеились и тутъ не приклеились. Ни то, не се...

Въ теперешнее времячко особливо тоска заѣдаэтъ, въ голову разное претъ. Тянетъ въ село да и на. Поѣдешь въ село и въ селѣ привѣту нѣтъ. Съ уходу на хуторъ съ мужиками розь пошла. Они—„срывка" и ты въ отместку —„съ норовомъ". „Да" и „нѣтъ"—вся бесѣда... Малость сейчасъ басче ровно они къ тебѣ и ты къ нимъ. — Про-

сились да буркали и—все.,. Весна подходитъ. Опять забота. Лошадей забрали. Опять недохватка. И заботы же — страсть... Чать не вытяну дѣлишки, запущу. Промаячить бы до сына-то...

Татьяна У-ва проводила мужа на войну и „хозяйствуетъ" на хуторѣ одна.

— Съ шестерыми канителюсь, — разсказывала она, — старшему шестнадцатый годъ. Жать надо было, пахать подъ озимь надо, а его забрали. Въ село къ отцу: Помоги, ради Бога, тятя.—„Съ нашимъ удовольствіемъ, отвѣчатъ, хоть ты и хуторянка, а надо помочь, мужа въ войну забрали". Ну и далъ работника. Поскорѣе дѣло пошло: я жну, работникъ жнетъ, а старшой мальченка снопы свозитъ. Убрала жнитво. Пахать-то я сама стала. Попашу, попашу да грудного ребенка прокормлю. И возжалась вотъ такъ... Дожди пошли, молотить бы надо да, нельзя. Выжидала ведра, а мука на исходѣ. Опять къ отцу: Дай мѣшокъ, тятя. „Прежде бы не далъ хуторянкѣ ничего, а сейчасъ дамъ. Война, мужъ кровь проливаетъ, стоитъ за насъ. Насыплю". Два мѣшочка насыпалъ мучки. До ведра хватило, а тутъ свою рожь два воза смолола—живу. Сыта сама, сыты ребята. На базаръ три раза ѣздила, деньжонокъ маленько выручила, ситчику ребятишкамъ на рубашенки купила. Заправилась... По веснѣ трудно одной будетъ... Къ тятянѣ опять. Онъ нонѣ измѣнился, сталъ ласковый. До войны все серчалъ на мужика моего, зачѣмъ ушелъ на хуторъ изъ села.

„Зятекъ-отъ, —корилъ онъ,—хуторяниномъ захотѣлъ жить. По новому, по своему. На волѣ. Въ помѣстьи".

До слезъ, было дѣло, доведетъ... Поперекъ горла ему жизнь хуторская... Ворочуюсь съ шестерыми-то. Писемъ самъ не присылаетъ. А, може, присылаетъ, на селѣ застрѣваютъ, не доходятъ до меня... Живъ ли?..

Старикъ вдовецъ Сергѣй Ф-нъ хуторомъ „управляетъ" одинъ.

— Съ сыномъ жилъ я на хуторѣ. Вся семья: я, сынъ съ женой да малышъ у него по третьему году... Какъ войну [illegible]

„Не хочу жить съ тобой. И такъ мнѣ хуторъ опротивѣлъ“.

Сложила пожитки на подводу, взяла внученка да къ отцу въ село. Одинъ, какъ былинка, остался. Скотина—корова, двѣ лошади—да я. Что хошь, то и дѣлай. Руки опускаются, голова кругомъ пошла, ноги подкашиваются. Поживи тутъ... Работника бы нанять, людей нѣтъ. Бился, бился, половину добра погноилъ. Ѣздилъ въ село искать себѣ „икономку“, по домашности женщину. Никакая, ни старая, ни молодая не идетъ, не хочетъ.

„Ну, тебя съ твоимъ хуторомъ. Въ отшельницы захотѣлъ сманить. Велика невидаль“.

Такъ одна баба меня и обрѣзала... Къ зимѣ одного шатущаго словилъ. Изъ города онъ шелъ, тамъ выпивкой промышлялъ до войны-то, а съ войной отрезвѣлъ, работу началъ искать. Въ городѣ знаютъ, что онъ пьянчужка, не даютъ дѣловъ, онъ и айда по деревнямъ. Набрелъ на мой хуторъ. Слово за слово.

„Работать, говоритъ, желаю. Все могу: молотить, косить, пахать, за скотомъ ходить. Самъ изъ деревенскихъ, да надѣлъ спустилъ, въ городѣ оказался и у винополіи свихнулся“.

И взялъ я его. Радъ-радешеникъ—все живая душа. Полегчало на душѣ. Работаетъ онъ не больно, задыхается, кашляетъ, а все подмога мнѣ, одинокому.

Грамотный какой, балясникъ. Поразскажетъ про свою жизнью, развеселитъ меня... Газетины вотъ нѣту—плохо. Въ селѣ читаютъ, а на хуторъ не достанешь никакъ: почтарь не ѣздитъ...

Сынокъ не пишетъ. Восейка сноху увидалъ въ селѣ, спросилъ:—Тимоша пишетъ что ли?— Нѣтъ! И больше со мной балясничать не захотѣла.

А сказываютъ люди—два письма Тимоша съ войны прислалъ ей, а она мнѣ не сказала... Для нихъ же на хуторѣ я роклю? А поди ты—обѣгаетъ меня. Аль у меня сердце не болитъ? А?..

Крупныя слезы поползли при этихъ словахъ по грубымъ щекамъ Сергѣя.

Онъ умолкъ...

СТИХОТВОРЕНІЕ.

Много, много насъ несчастныхъ
Ужъ въ землѣ лежитъ,
А отъ выстрѣловъ орудій
Вся земля дрожитъ.
А калѣкъ, вѣдь, еще больше
И сиротъ не счесть..
Кто теперь кормить ихъ будетъ?
И что будутъ ѣсть?
Генералы да министры
Когда въ бой идутъ,
Сулятъ очень для насъ много,
А дать—не даютъ.
Все начальство передъ боемъ,
Какъ одинъ, твердитъ—
Лѣзть въ огонь совсѣмъ безъ страха,
Умирать велитъ.
А зачѣмъ—когда-бъ спросилъ кто—
Нужно умирать?
Для того, чтобы дворянамъ
Права отстоять?
Мы земли, вѣдь, не имѣемъ—
Чѣмъ намъ дорожить?
Помѣщику, кулаку-ли—
Все равно, служить...
У дворянъ права и земли,
Все вѣдь въ ихъ рукахъ,
А войну хотятъ проѣхать
На насъ, дуракахъ.
Каждый знаетъ изъ насъ, братцы,
Кто войну началъ,
Генераламъ — заработокъ,
Купцамъ—капиталъ.
А намъ бѣднымъ, горемычнымъ —

Тамъ дѣтишки голодаютъ,
Босые сидятъ...
Сколько въ мѣсяцъ получаютъ?
Что они ѣдятъ?

Военноплѣнный нижній чинъ.

ВѢСТИ ИЗЪ РОССІИ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ДЕРЕВНИ.

Наша деревня, пишутъ „Русскія Вѣдомости", переживаетъ тяжелый экономическій кризисъ. На первый, поверхностный взглядъ деревня неимовѣрно богатѣетъ: на все, что производитъ крестьянинъ, цѣны стоятъ небывало высокія, заработки поднялись до такой высоты, о какой раньше не смѣлъ никто и мечтать, затѣмъ закрытіе винныхъ лавокъ и, наконецъ, правительтвенная помощь призваннымъ на войну,—все это, вмѣстѣ взятое, даетъ деревнѣ столько денегъ, сколько она раньше никогда и не видывала.

Но вотъ обратная сторона медали. Цѣна на дрова у насъ поднялась, напримѣръ, съ 2 р. 50 к. до 17 р. за сажень, но именно вслѣдствіе этого началось страшное хищническое истребленіе крестьянскихъ лѣсовъ, всѣхъ тяжкихъ послѣдствій котораго теперь и учесть невозможно. Благодаря страшно высокимъ цѣнамъ на мясо въ городахъ крестьяне стали усиленно распродавать свой скотъ. Точно убыль скота учесть пока еще невозможно, но едва ли будетъ большою ошибкой сказать, что въ нашихъ мѣстахъ скота убавилось почти наполовину. Прямымъ слѣдствіемъ этого будетъ истощеніе нашихъ очень небогатыхъ земель, которыя могутъ родить только съ хорошимъ удобреніемъ, —истощеніе, поправить которое можно будетъ только съ годами. Если крестьяне вообще стали на водку тратить меньше,—въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія,—то въ отдѣльныхъ случаяхъ траты на спиртные напитки,—ханжа, бражка и пр., — рѣзко возросли, такъ какъ бѣшеныя деньги тратятся на это...

всего важнѣе, такъ это то, что новое пьянство начинаетъ развиваться все быстрѣе и быстрѣе, и для борьбы съ этимъ зломъ ничего не дѣлается: однѣми карательными мѣрами тутъ много не достигнешь.

Денегъ у населенія на рукахъ много, но лѣса исчезаютъ, быстро таетъ живой инвентарь, безъ котораго въ нашихъ мѣстахъ хозяйство немыслимо, почва истощается, пьянство начинаетъ все болѣе и болѣе поднимать голову. А въ то же время совершенно незамѣтно, чтобы излишки своихъ доходовъ деревня употребляла на культурныя улучшенія своего хозяйства. Всюду и вездѣ, напротивъ, замѣчается самое непростительное, легкомысленное мотовство этихъ денегъ на всевозможные пустяки. Появились дорогое туалетное мыло, дорогая одежда, зеркала и пр.,—новыя привычки растутъ на этомъ хозяйственномъ оскудѣніи, какъ опенки на гниломъ пнѣ.

Не задуматься, ни принимать теперь же мѣръ для борьбы съ этимъ новымъ грознымъ явленіемъ въ жизни нашей деревни было бы непростительнымъ легкомысліемъ. Ближайшее будущее ея рисуется далеко не въ веселомъ видѣ. Вернется съ войны армія, милліоны рабочихъ рукъ,—сразу же прекратится, во первыхъ, казенная помощь семьямъ; во вторыхъ, рѣзко упадутъ цѣны на рабочія руки, дороговизна же всякихъ фабрикатовъ, конечно, будетъ держаться довольно упорно; и спекуляція, и просто рѣзкая убыль ихъ, фабрикатовъ, — это—явленія такого рода, съ которыми справиться скоро будетъ невозможно. Тутъ-то и скажется настоящее положеніе деревни

Настоятельно необходимо теперь же, начать борьбу съ этимъ глубокимъ разореніемъ, которое иные такъ легко принимаютъ за какое-то „обогащеніе" народа.

ТЯГА КЪ СВѢТУ.

Война вызвала среди крестьянъ необычайную тягу къ знанію. Всѣ, кто такъ или иначе присматривался къ жизни деревни, отмѣчаютъ, съ какою жадностью набрасывается населеніе на газеты, книги, прислушивается къ извѣстіямъ съ войны, къ дѣламъ внутреннимъ, посѣщаютъ курсы

на то чтобы дать хоть небольшое образованіе дѣтямъ. Хлопочутъ передъ земствомъ объ открытіи школъ, составляютъ соотвѣтствующіе приговоры. О такихъ приговорахъ сообщаютъ, напр., изъ Камышина въ „Саратовскій Вѣстникъ“:

„Въ настоящее время всѣ дѣвочки стремятся получить хотя малое образованіе, а у насъ и мальчики остаются безъ образованія“,—жалуются въ своемъ приговорѣ таралатинскіе крестьяне изъ глухаго угла Камышинскаго уѣзда. И просятъ выстроить земское училище, дабы таковое „было свѣтиломъ для всего населенія“.

„Намъ необходима школа,—говорится въ приговорѣ дубовскаго сельскаго схода, въ которой дѣти получали бы образованіе, но по качеству не такое скромное, какое даетъ церковно-приходская школа, а такое, какое можетъ дать земская“;.. И вотъ крестьяне просятъ открыть имъ земскую школу, „эту житницу разума, и украсить хуторъ этимъ новымъ невиданнымъ, но давно желаннымъ зданіемъ“.

НАЧАЛЬСТВО ВЪ БОРЬБѢ СЪ ДОРОГОВИЗНОЙ.

— Изо всѣхъ губерній слышатся стоны и жалобы на страшную дороговизну жизни. Неумѣнье и нежеланіе со стороны начальства разумно распорядиться толковымъ подвозомъ продуктовъ и обмѣномъ ими между различными городами, взяточничество, подкупъ и просто воровство—все это чувствительно бьетъ по спинѣ русскаго обывателя. Хуже всего конечно достается бѣдняку. Цѣны на самые необходимые продукты вздуваются не по днямъ, а по часамъ.

— Въ борьбѣ съ дороговизной начальство рѣшило установить особыя правила; а чтобъ торговцы не вздували цѣны на товары—„твердыя цѣны“. Думали, передумывали и установили. Но... вышло какъ-то такъ, что выгода отъ этого вездѣ приходится на долю крупныхъ промышленниковъ, оптовиковъ и скупщиковъ, а не на долю обывателя.

Вотъ, напримѣръ, 31 декабря 1915 г. начальство назначило для скупщиковъ нефти на мѣстѣ добычи (въ Баку) 45 коп. за пудъ, разрѣшивши имъ прибавить для продажной цѣны въ розницу (для обывателя!) „кое-что“ за услу-

для потребителя, тоже на мѣстѣ добычи, — $72^1/_2$ коп. за пудъ. Какъ тутъ не благодарить начальства?!

— Не лучше съ продажей желѣза, стали и чугуна.

„Металлургическій комитетъ постановилъ съ 24 апрѣля предѣльныя цѣны: чугунъ—отъ 1 р. 25 к. до 1 р. 35 к. за пудъ; сортовое желѣзо—отъ 2 р. 30 к. до 3 р. за пудъ; кровельное желѣзо—отъ 3 р. 40 к. до 3 р. 90 к. за пудъ. Но это—цѣны „для нуждъ обороны", въ защиту интересовъ казны. Частный потребитель платитъ 40—50 коп. за фунтъ гвоздей, стоившихъ до войны 6 коп.; 5 р. — за топоръ, вмѣсто 80—90 к. до войны; 80 коп.—за вилы, которымъ до войны красная цѣна была 20 к. и т. д.".

— Вятскій губернаторъ захотѣлъ поправить дѣло и издалъ 18-го мая обязательныя постановленія (за №№ 42 и 43): Продавать товары изъ магазиновъ, конторъ и складовъ, торгующихъ желѣзомъ, чугуномъ и сталью вообще воспрещается „если эти товары не идутъ на оборону или сельско-хозяйственныя машины". А это значитъ, что этими товарами дозволено распоряжаться только крупнымъ заводчикамъ и скупщикамъ-оптовикамъ! Для потребностей-же населенія разрѣшается отпускать не болѣе 10 пуд. „въ одинъ разъ отдѣльному лицу".

Ну, а если кому понадобится, напримѣръ, кровельнаго желѣза на крышу для простой, девятиаршинной крестьянской избы? Много-ли тутъ сдѣлаешь съ 10-ю то пудами? Умно распоряжается наше начальство!

— Съ обувью въ Россіи дѣло дошло до того, что хоть босикомъ ходи. За одни подметки приходится платить по 10 руб. и больше! Даже и лаптей нѣтъ. „Лапти въ лѣсистыхъ мѣстахъ центральной Россіи (гдѣ коренное ихъ производство) продаются нынѣ по 70—80 коп. за пару".

Комитетъ по дѣламъ кожевенной промышленности назначилъ тоже „твердыя цѣны" въ розничной продажѣ обуви: постановлено прибавлять 30% къ себѣ стоимости производства. Разумѣется, и самая „себѣстоимость" высчитана безъ обиды для фабрикантовъ.

(По „Русскимъ Запискамъ" и различн. газетамъ).

что во многихъ городахъ стали въ обиходъ входить лапти. „Приднѣпровскій Край“ пишетъ, что екатеринославскіе желѣзнодорожники списались съ поставщиками лаптей и сдѣлали заказъ болѣе чѣмъ на 500 паръ лаптей.

Большой спросъ на лапти въ г. Томскѣ, въ поволжскихъ городахъ, въ Костромѣ и др. мѣстахъ. Этому новшеству приходится на первыхъ порахъ сталкиваться частенько съ барскою дурью; такъ, напримѣръ, въ Саратовскомъ Крестьянскомъ поземельномъ банкѣ одинъ изъ служащихъ кассоваго отдѣла дня три посѣщалъ занятія въ простыхъ лыковыхъ лаптяхъ. За такое „нарушеніе порядка“ носитель лаптей былъ вызванъ къ управляющему и получилъ строгій выговоръ. Ему предложено было немедленно надѣть штиблеты или-же подать прошеніе объ увольненіи со службы. Служащій этотъ семейный человѣкъ и получаетъ въ банкѣ всего 23 р. въ мѣсяцъ. Гдѣ ужъ тутъ думать о штиблетахъ! Хватило бы хоть на лапти. Однако, управляющему банкомъ этого не понять: ему вѣдь и въ самый тяжелый моментъ обувного кризиса не придется, конечно, обматывать свои ноги онучами и обувать ихъ въ лапти.

ДОКЛАДЪ ПРАВЯЩИМЪ СФЕРАМЪ ОБЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ОРГАНИЗАЦІЯХЪ.

О дѣятельности всероссійск. союзовъ земскаго, городского, а также другихъ общественныхъ организацій и прежде всего среди нихъ военно-промышленныхъ комитетовъ сдѣланъ особый докладъ въ правящія сферы. Докладъ этотъ сдѣланъ съ цѣлью обнаружить „вредное“ направленіе этихъ общественныхъ организацій, которыя рѣшили будто бы „объединить народныя силы имперіи для скорѣйшаго достиженія замѣны существующаго правительства новымъ, отвѣтственнымъ передъ народнымъ представительствомъ“. Далѣе въ докладѣ говорится, что на мартовскомъ съѣздѣ этихъ организацій, гдѣ было рѣшено организовать центральный комитетъ для толковаго веденія продовольственнаго дѣла по всей Россіи, на самомъ дѣлѣ занимались политикой „направленной къ достиженію измѣненія существующаго въ Россіи государственнаго строя“. Докладчикъ утверждаетъ, что руководители общественныхъ организацій [illegible]

во-промышленныхъ союзовъ,—все въ тѣхъ же политическихъ видахъ, что они заняты созданіемъ крестьянскаго союза и ради этого хлопочутъ о „мелкой кооперативной организаціи въ деревнѣ“, гдѣ они могутъ черезъ земскихъ агрономовъ и вообще работающихъ интеллигентовъ проводить свои зловредныя политическія идеи.

Мы, конечно, привѣтствовали-бы такую дѣятельность если-бы все, что говорится въ докладѣ, была правда. Но какъ извѣстно, городской, земскій и военно-промышленны союзы заняты другимъ: организаціей продовольственнаг дѣла. Наше продажное и безтолковое чиновничество нахо дитъ нужнымъ и въ этомъ дѣлѣ „бороться съ крамолой“ подкладывать палки въ колеса всякимъ затѣямъ обществен ной дѣятельности.

МИНИСТРЫ ПРОДОЛЖАЮТЪ ИГРАТЬ „ВЪ СВОИ СОСѢДИ“.

На мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ, Сазонова, наз наченъ Б. В. Штюрмеръ, только что занимавшій постъ ми нистра внутреннихъ дѣлъ. Бывшій министръ юстиціи Хво стовъ посаженъ на мѣсто, освобожденное Штюрмеромъ (мин. внутр. дѣлъ), а постъ министра юстиціи занялъ тай ный совѣтникъ Макаровъ, начавшій свою славную карьер при Столыпинѣ въ качествѣ его помощника и затѣмъ став шій министромъ внутреннихъ дѣлъ (отъ сентября 1911 г до декабря 1912 г.). Политика Макарова хорошо памят всѣмъ. Его знаменитая фраза—„Такъ было, такъ будетъ“ цинично брошенная по поводу разстрѣла ленскихъ раб чихъ, характеризуетъ ясно, чего отъ него можно вообщ ожидать.

— Новый министръ иностранныхъ дѣлъ —Штюрмеръ— остается предсѣдателемъ кабинета министровъ. Ему рѣше но дать исключительныя полномочія въ вопросахъ объ ор ганизаціи арміи и флота боевыми и питательными сред ствами.

«Эта новая правительственная мѣра явно направлена к ликвидаціи военно-промышленной „весны“. Она стоитъ в прямой связи съ поспѣшнымъ роспускомъ думы и походом

СЪѢЗДЫ, УГОДНЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

Какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, состоялось постановленіе не разрѣшать никакихъ съѣздовъ впредь до окончанія войны.„ Однако, кромѣ съѣздовъ губернаторовъ, „которые теперь вошли въ моду, совершенно свободно прошелъ съѣздъ банкировъ; по епархіямъ происходятъ съѣзды духовенства; назначенъ съѣздъ объединеннаго дворянства". Все это для правительства—своя компанія (не то что какой-нибудь съѣздъ крестьянъ или рабочихъ!). А этой кампаніи разумѣется, все дозволено.

— Очередная пріятная новость: въ Петроградѣ образуется постоянный совѣтъ всероссійскихъ съѣздовъ правыхъ организацій. Цѣль новаго черносотеннаго образованія— слить воедино всѣ правыя силы. Въ ноябрѣ, тотчасъ по возобновленіи сессіи думы, созванъ будетъ всероссійскій съѣздъ. Созыватбся эти черносотенные съѣзды будутъ 2 раза въ годъ.

КАКЪ ЗАБОТЯТСЯ АНГЛИЧАНЕ О СВОИХЪ ПЛѢННЫХЪ,

Лордъ Ньютонъ довелъ до свѣдѣнія верхней палаты, что англійское правительство отправляетъ каждую недѣлю въ Германію для военно-плѣнныхъ 100,000 пакетовъ съ пищевыми продуктами, что составляетъ больше, чѣмъ три пакета на человѣка въ недѣлю.

А кто заботится о нашихъ военноплѣнныхъ?

ИЗЪ ПИСЕМЪ ВОЕННОПЛѢННЫХЪ.

Товарищи, шлемъ вамъ привѣтъ и очень благодарны Вамъ за ваши письма. Тѣ всѣ книги, которыя вы посылали раньше въ наши руки не попало ни одной, о чемъ мы очень сожалѣемъ: они бы намъ принесли много полезнаго. Но мы, товарищи, надѣемся на васъ что вы насъ не оставите. Мы уже писали, что находимся въ офицерскомъ лагерѣ. Я думаю, товарищи, что вамъ извѣстны отношенія русскихъ офицеровъ къ своимъ рабамъ. Нисколько не стѣсня-

кровавыхъ рукъ. Хотя не я испыталъ на своей шеѣ это упражненіе но мои товарищи. Но о всѣхъ этого я не могу сказать: есть и сознательные и рады прійти намъ на помощь. Но за ними и также и за нами очень зорко слѣдятъ. Такого удобнаго мѣста нѣтъ, чтобы хотя маленькія можно было устраивать собранія. И навѣрно они не желаютъ быть заблаговременно извѣстны хотятъ поберечь себя для большей пользы народа. Наши товарищи, которые ходятъ убирать комнаты, всегда подвергаются допросамъ. Имъ желательно узнать откуда берется это зло, какъ они выражаются. Но всѣ товарищи держатся стойко. У насъ есть офицеръ прапорщикъ студентъ одного университета*), онъ много намъ навредилъ противъ мало сознательныхъ товарищей. Мы имъ всегда говорили, что студенты друзья всего народа. Однажды играли въ футболъ наши товарищи съ товарищами французами; вотъ подходятъ два офицера, одинъ изъ нихъ тотъ самый стуентъ. Другой началъ приглашать его сыграть съ солдатами, но тотъ объяснилъ ему, что *онъ считаетъ для себя низкимъ играть въ футболъ съ русскими Тимошками* и у нихъ завязался горячій споръ. Игра сейчасъ же прекратилась. И наши товарищи намъ заявили—вотъ студенты какіе друзья народа.

Дорогіе товарищи! Привѣтъ и добрыя пожеланія. Спѣшимъ увѣдомить Васъ—къ намъ пріѣзжала сестра милосердія изъ Россіи. Хотя она съ нами и вела бесѣду, но очень короткую. Однако, мы видимъ цѣль ея пріѣзда: утѣшить плѣнныхъ офицеровъ и узнать настроеніе солдатъ. Офицерамъ она предложила не безпокоиться—ваше будетъ вашимъ, берегите себя, вы еще будете нужны послѣ войны. Держитесь стараго режима и не будьте соціалистами. Если вамъ что нужно, одежды, бѣлья, чего либо съѣстного, то мы вышлемъ немедленно. Они просили высылать сало, масло сахару и т. д. Она обѣщала эту просьбу исполнить по возвращенію въ Россію. А сейчасъ Вамъ даю нѣсколько

---

*) И[illegible] и названіе университета нами опу-

сотъ рублей на мелкіе расходы, такъ какъ вы имѣете большую нужду.

Да, дѣйствительно, они терпятъ очень большую нужду. Вѣдь и здѣсь получаютъ капитаны 170 мар., младшіе офицеры включительно до прапорщиковъ—113 мар. Да и семьи ихъ не забыты: онѣ тоже получаютъ по 45—300 руб. въ мѣсяцъ. Навѣрное, имѣютъ больше нужды, чѣмъ семьи солдатскія.

Передъ тѣмъ какъ идти къ намъ, она предварительно спросила офицеровъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Они отвѣтили что солдаты живутъ хорошо, нужды у насъ нѣтъ. Она, конечно, была обрадована, и поблагодарила ихъ за заботливость. Къ намъ же пришла съ толпой офицеровъ русскихъ. Поздоровалась по русскому обычаю, и говоритъ: «мнѣ г.г. офицеры передали что вамъ живется хорошо, нужды не имѣете, сыты т. к. съ офицерскаго стола остается много не доѣденныхъ кусковъ хлѣба, и супа, я очень рада что вы сыты. Привѣтъ вамъ отъ матушки-царицы и досвиданья». Тѣмъ и кончилась наша бесѣда. Мы всѣ удивились, неужели она во всѣхъ солдатскихъ лагеряхъ такъ скоро повертывается. Неужели у офицера такъ много нужды, что у нихъ она пробыла чуть-ли не цѣлый день. Почему она не спросила у насъ, что вамъ выслать, не нужно-ли вамъ братцы сало, масло, сахару, одежды и обуви. Но, нѣтъ. Они привыкли смотрѣть на русскаго мужика какъ на скотину; что дадутъ то и ѣшь. Оно конечно, отъ сала, желудки разстраиваются, и отъ сахару зубы портятся, одежда, обувь на что имъ! они привыкли въ лохмотьяхъ ходить...

Затѣмъ спросила получаемъ-ли извѣстія и посылки изъ дому. Но какія посылки могутъ прислать наши домашніе, когда, не успѣютъ получить несчастные гроши, какъ уже стражникъ или урядникъ стоитъ у дверей и требуетъ подати, что-бы заплатить нашимъ плѣннымъ офицерамъ жалованье. Куда идетъ желованье? Столъ 46 м. Стирка бѣлья, мыло и порошокъ для чистки зубовъ 6 мар. Починка обуви и одежды 5 мар. Табакъ 2 мар. Непредвидѣнные расходы 3 мар. Итого 62 марки прямого расхода. Какъ

ходы старш. офиц.—108 мар., младш. офиц. — 51 мар.— Куда идутъ эти расходы? Картежная игра во всю, бутылки осушаются изрядно.

Расходъ и приходъ солдата: на стирку бѣлья — 0; на починку сапогъ и одежды—0; на столъ—0; на табакъ — 0; на непредвидѣнные расходы — 0; итого—0. Приходъ—0. Всего — 0.

Тѣмъ и закончимъ,—какое сравненіе между однимъ человѣкомъ и другимъ... Будьте здоровы, дорогіе товарищи, да хранитъ васъ Всевышній для блага бѣднаго трудящагося народа.

Нижніе чины N-скаго лагеря.

Въ другомъ письмѣ отъ 22/VIII тѣ же „нижніе чины" жалуются, что „комитеты работаютъ больше для офицеровъ, имъ посылки идутъ больше, чѣмъ солдатамъ, потому что они взяли комитеты подъ свою опеку. А намъ опека эта давно извѣстна. Вѣдь навѣрное комитеты организовались для голодающихъ, а не для сытыхъ. Или ихъ, навѣрно, признали больше голодающими при 170 мар. въ мѣсяцъ, чѣмъ солдатъ, которые не получаютъ и двухъ пфениговъ".

Далѣе авторы указываютъ на „святой обрядъ" проводовъ, какіе офицеры устраиваютъ другъ другу:

„Если кто изъ офицеровъ по какой либо причинѣ переводится въ другой лагерь,то устраиваются проводы, на которые берется нѣсколько ящмковъ вина и это производится съ такимъ шикомъ, какъ будто въ Москвѣ, въ Яру, когда загуляютъ сынки купчиковъ или фабрикантовъ". „И на такихъ шикарныхъ проводахъ еще кто нибудь наколобродитъ и того къ переводу въ другой лагерь, и тому проводы и такъ безъ конца—все проводы, да проводы, Навѣрное надѣются на доброе русское правителство или же на пріѣздъ сестры, которая еще привезетъ нѣсколько сотъ марокъ, дабы покрыть всѣ бѣшеные расходы. А несчастнаго солдата лишили 50 коп., которыя онъ получаетъ въ мѣсяцъ".

„Но мы все терпимъ и переносимъ. Будьте здоровы, боевые товарищи, можетъ быть, придетъ то время, когда будемъ крѣпко жать другъ другу руки".

